

Слухи на чёрном рынке росли, как снежный ком, словно плесневелая паутина, быстро опутав Чезаре.

Одни твердили, что за ним стоит влиятельная сила, другие – что он сумасшедший, сосланный из Главного города, а третьи вполголоса строили догадки о его связях со старыми организациями.

— За ним кто-то стоит.

— Может, сумасшедший, изгнанный из Главного города.

— Кто-то видел, как он общается с уцелевшими приспешниками Инфу.

Ассоциация механиков «Ничейной Земли» прислала приглашение.

— Ты им приглянулся, — Пэй Цун, прислонившись к дверному косяку, вертел в пальцах конверт, полуприкрытые веки выражали лень. — Условия, должно быть, неплохие».

Эта жалкая гильдия знала толк в выжимании соков из чужих механиков, но к своим щедростью не скупилась. До того, как Пэй Цун прославился, он сам изрядно настрадался от этих кровопийц, едва не оказавшись полностью обобранным.

Взгляд Чезаре на мгновение задержался на подписи, после чего он швырнул приглашение на стол:

— Не пойду.

Пэй Цун моргнул, приподнял бровь:

— Как так? Даже условия не посмотришь?

Чезаре проигнорировал его.

Пэй Цун тоже не стал настаивать, отодвинул конверт подальше и постучал костяшками по столу:

— Не обращай на них внимания.

— Каждый день в одно и то же время приходи в мастерскую, бери несколько заказов, чини ровно столько, чтобы хватило на еду и необходимое, а остальное – игнорируй.

Чезаре в последнее время брал явно больше работы. Пэй Цун знал, что тот втихушку соглашался на дополнительные заказы в мастерской, и полагал, что парень просто готовит себе путь к отступлению. Он напомнил ему:

— Ты в последнее время берёшь слишком много.

Фраза прозвучала без давления, но в ней чувствовался терпеливый, наставительный оттенок.

Чезаре ничего не ответил, опустив голову, снял куртку и повесил на спинку стула.

Он не хотел лгать, но и объясняться не привык:

— В последние дни почти все деньги остались на черном рынке.

Если быть точным, то это Пэй Цун в одиночку шатался по чёрному рынку и сорил деньгами.

Пэй Цун, глядя на его мрачную физиономию, не удержался от усмешки. Откинувшись на спинку стула, он неспешно произнёс:

— Ты не туда смотришь, малыш.

— Ты явно стоишь вдесятеро дороже, так зачем же тебе толкаться в очереди с какими-то механиками подземных стоков?

— Работай меньше, а народу у дверей будет ещё больше.

Говоря это, он смотрел с легкой насмешкой.

— Работать надо, чтобы поскорее выкупить для себя свободу и смыться, а не чтобы стать звездой местного квартала красных фонарей.

Чезаре слегка поднял голову, будто поперхнулся, и плотно сжал губы.

— Заработать ровно столько, чтобы выжить, и сорваться с места – вот что значит понять, как жить, — лениво добавил Пэй Цун. Он вовсе не собирался позволять Чезаре слишком рано погружаться в эту неэффективную и грязную цепочку сделок.

Чезаре опустил глаза. Слова Пэй Цуна заставили его замолчать и раздражённо сжаться. Но он не стал спорить, лишь уставился в пол, подушечками пальцев в задумчивости потирая ладонь.

Те сбережения, что он успел отложить, и планы, таившиеся в его карманах, вдруг стало как-то неловко озвучивать.

Так Чезаре и стал ежедневно появляться в мастерской ровно в срок, погружаясь в работу.

Три заказа. Точно. Не много, не сложно.

Он ни с кем не заговаривал первым, не ввязывался в болтовню. Принять заказ, разобрать, починить, уйти – процесс был отлажен, как у идеально настроенного механизма.

Пэй Цун же исправно «дежурил» на маршруте Чезаре семь дней подряд. В переулках, среди руин, возле жестяных рекламных щитов под неоновым светом – он всегда появлялся за полчаса, лениво поджидая, когда юноша закончит смену.

Иногда он зевал, прислонившись к стене на углу, иногда наблюдал с крыши чёрного рынка за толпой, а порой мимоходом выдвирал парочку подозрительных «хвостов» или шпикиков.

Чезаре каждый день выходил из мастерской в одно и то же время, видел его и без слов шагал следом.

Он привык, что Пэй Цун, словно тень, возникает в его однообразных буднях – тихо, ненавязчиво, как нечто само собой разумеющееся.

Так продолжалось до восьмого дня, когда Пэй Цун, решив, что одному Чезаре ничего не угрожает, отпустил его и занялся собственными планами.

Неоновый свет лился в пустой переулок. Чезаре стоял один на углу улицы, его тёмные зрачки в ночи казались ещё темнее.

«Никого.»

Только безлюдная неоновая улица, только его собственная, неестественно вытянутая тень.

Он опустил голову, простоял так несколько секунд, пальцы инстинктивно сжали что-то в рукаве. Лицо по-прежнему оставалось холодным и бесстрастным, но шаги, когда он тронулся с места, были тяжелее обычного. Он просто вогнал эту гнетущую тяжесть поглубже в кости, словно угрюмый дворовый пёс, которому лень даже гавкнуть.

На следующий день Пэй Цун появился как ни в чём не бывало, прислонившись к фонарному столбу, и по-прежнему с улыбкой поманил его.

Чезаре вышел из мастерской, отвёл взгляд, напрямую обошёл его и направился в другую сторону.

Шаги юноши на мгновение замедлились, а лицо было холодным, будто его только что вытащили из подземной вентиляции после трёхчасового стояния там.

Пэй Цун, увидев это, криво усмехнулся и игриво спросил:

— Что случилось?

Чезаре не издал ни звука, но шаги его явно еще больше замедлились, а костяшки пальцев по-прежнему судорожно сжимали манжету.

Пэй Цун не понял причины и про себя подумал: «Ну и характер.»

Но он всё же пошёл за ним, как обычно, встал рядом с Чезаре, надёжно накрыв собой это молчаливое и строптивное существо.

Свет в мастерской был неизменно тусклым, падая на Чезаре и пряча половину его лица во тьме. Его тёмные, бездонные глаза были похожи на ядовитую змею, выслеживающую добычу в ночном болоте; от них по спине пробегал холодок.

Поскольку он брал ограниченное число заказов, его расценки в мастерской взлетели до небес. Кто-то возмущался, кому-то приходилось глотать обиду, но, в конце концов, только он мог заставить железный хлам снова «дышать».

А там, где никто не видел, разбирая механизмы, Чезаре другой рукой сжимал тонкий резец и тайком вырезал в щелях корпуса инициалы своего имени.

Настолько мелкие, что их едва можно разглядеть, спрятанные за пучками проводов.

Этому его научил Пэй Цун.

«—Запомни: метку на работе никогда не ставь на виду.

— Она должна напомнить тебе самому, когда придут с расплатой, какая именно паршивая работа вышла из-под твоих рук».

Чезаре хорошо это усвоил и следовал правилу.

Он чинил и в то же время прислушивался к тихому перешёптыванию других механиков рядом.

— Сведения об эволюционном препарате снова изменились. Говорят, много народу полегло.

— Кто не знает? Чтобы заполучить его, даже те психи из Западного района выползли из своих нор.

— Психи? Хех. На этот раз пришли те, кто и психам фору даст. Все сплошь – головорезы, для которых убить человека, что палец о палец щёлкнуть.

— В общем, таким как мы, он всё равно не светит.

Чезаре промолчал, уголки его губ едва заметно опустились. Тень упала на ресницы, а взгляд медленно скользнул к перешёптывавшимся механикам.

Воздух вокруг слегка похолодел.

Обычно никто не решался подходить к нему слишком близко, но сегодня, когда он внезапно обратил на них внимание, у тех невольно сжалось в груди, и они сглотнули.

Этот болезненно красивый и зловещий молодой механик впервые удостоил своим драгоценным вниманием кого-то ещё.

Видя, что Чезаре пристально смотрит на них, кто-то решил, что у того появился интерес, набрался смелости и, понизив голос, таинственно начал:

— Товар всё ещё на окраине чёрного рынка, сведения неполные... Кто рискнёт пойти? Пойти – всё равно что жизнь на кон поставить.

— Да, ещё ходят слухи, что организаций, финансирующих это дело, не одна.

— Вы же понимаете, нам, железки паяющим, до таких верхов не дотянуться, лучше не лезть.

— Уж если хочешь сорвать большой куш, лучше собирай манатки и сматывайся отсюда.

Говоривший тайком вздохнул, и в его голосе явственно слышались опасение и настороженность.

Чезаре спокойно выслушал, опустив глаза на механический отсек в своих руках. Его лицо было ледяным, костяшки пальцев побелели.

Эволюционный препарат было трудно достать. За кулисами копошилось нечто глубокое и тёмное. Даже те, кто следил за всем, были серьёзными игроками, о которых он даже не слышал.

В его сознании всплыл тот список и «план», который он заготовил в глубине души для Пэй Цуна. Все те мелкие, тайные приготовления, что он вынашивал, теперь были грубо перечёркнуты со словами: «трудно достать».

У Чезаре было отвратительное настроение.

Он нахмурился, взгляд его потемнел. Мрачные, тяжёлые эмоции, словно чёрная вода, медленно просачивались наружу, но он яростно вгонял их обратно под кожу.

<http://bllate.org/book/14659/1322791>